

ФИЛОЛОГИЯ**Литература народов Российской Федерации
(литература народов Северного Кавказа)**

Научная статья

УДК 821.352.3

DOI: 10.31143/2542-212X-2023-3-332-342

EDN: STAWTP

**АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕТАЛИ В ОЧЕРКЕ
СЕФЕРБИЯ СИУХОВА «БАТМЫРЗА ПЕДИСОВ»****Инна Анатольевна Кажарова**

Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Нальчик, Россия, barsello@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7431-0840>

Аннотация. В статье выявляются аксиологические построения, составляющие очерк С.Х. Сиюхова «Батмырза Педисов». Во вступительной части работы кратко охарактеризован основной ценностный лейтмотив, проходящий через педагогическую, общественную и творческую деятельность Сефербия Сиюхова. Оговариваются особенности его восприятия прошлого и современности. Основным интересом представляются смысловые акценты взаимодействия точек зрения, восприятия пространства и времени, а также аксиология внешнего облика героя названного очерка. Подробно рассмотрены обстоятельства, определившие точку зрения автора-повествователя. В ходе проведенного анализа показано, что каковы бы ни были мотивы, побудившие его запечатлеть Батмырзу Педисова, образ этот вполне созвучен умению Сефербия Сиюхова видеть сложное переплетение обстоятельств, в каких бы масштабах они ни проявлялись – в судьбе этноса, рода или отдельного человека.

Ключевые слова: Сефербий Сиюхов, очерк, мемуаристика, аксиология, точка зрения.

Для цитирования: Кажарова И.А. Аксиологические детали в очерке Сефербия Сиюхова «Батмырза Педисов» // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 3. – С. 332-342. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-3-332-342. EDN: STAWTP.

© Кажарова И.А., 2023

Original article

**AXIOLOGICAL DETAILS IN THE ESSAY
SEFERBI SIYUKHOV «BATMIRZA PEDISOV»****Inna A. Kazharova**

The Institute for the Humanities Research – Affiliated Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, barsello@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7431-0840>

Abstract. The article acknowledges the axiological constructions that make up the essay by S.Kh. Siyukhov «Batmyrza Pedisov». The introduction briefly describes the main values in Seferbiya Siyukhov's pedagogical, social, and creative activities. The features of his perception of the past and the present are discussed. The focus is on how different perspectives, space and time perception, and the value of the main character are portrayed in the essay. The circumstances that determined the point of view of the author-narrator are considered in detail. In the course of the analysis, it is shown that whatever the motives that prompted him to capture Batmyrza Pedisov, this image is quite in tune with the ability of Seferbiy Siyukhov to see the complex interweaving of circumstances, no matter how large they are manifested - in the fate of an ethnic group, clan or individual.

Keywords: Seferbiy Siyukhov, essay, memoirs, axiology, point of view.

For citation: Kazharova I.A. Axiological details in the essay Seferbi Siyukhov «Batmirza Pedisov». IN: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – № 3. – P. 332-342. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-3-332-342. EDN: STAWTP.

© Kazharova I.A., 2023

Стремление пробудить в сознании этноса, опустошенного многолетней войной, интерес к собственным духовным ценностям и в то же время найти верные способы его приобщения к достижениям иной культуры, определили общественную деятельность и творчество Сефербия Хацуцевича Сиюхова (1887–1966 гг.).

Педагог и публицист, первые выступления которого приходятся на дооктябрьский период, он последователен и как продолжатель прогрессивных начинаний своих предшественников – адыгских просветителей, и как представитель новой, советской интеллигенции. В раннесоветские годы Сефербий Сиюхов оказывается среди главных фигур культурного строительства Кубано-Черноморской (в последующем Адыгейской) области. Он занимает ответственные административные посты, прodelывает большую работу в системе народного образования [Хашхожева 1993: 133]. Но как бы резко ни менялся социально-исторический фон, и какие бы он ни порождал умонастроения, Сефербий Сиюхов остается равен самому себе. Устойчивость его ценностных убеждений особенно видна в решительности, с которой он настаивает на выборе тех путей культурного развития, что не приведут горцев к утрате собственного национального облика. «Черкесский народ желает воспринять от «русской культуры» все хорошее, полезное, нужное, практически ценное и сохранить свою религиозную и национальную физиономию» [Сефербий... 1997: 159, 195] – положение, которое повторяется в его дореволюционных публикациях, остается злободневным и в новых условиях, когда решаются вопросы национализации школьного образования. Как замечают по этому поводу К.И. Бузаров и А.К. Бузаров, особую остроту идея национализации «и связанные с ней проблемы приобретают в его устных и печатных выступлениях конца 20-х годов» [Сефербий... 1991: 33]. Характерно его высказывание на расширенном заседании Адыгейского областного методического совета в декабре 1926 г. «Целью преподавания русского языка национальным меньшинствам, подчеркнул он, является «не обрусение их, а достаточное усвоение этого могущественного оружия для культурного общения с большинством населения» [Сефербий... 1991: 34].

Уже в работах дореволюционного периода очевидно его умение трезво оценивать ситуацию, исходить из тех реалий, что наличествуют «здесь и сейчас». Обеспокоенный участием соплеменников, по его выражению, за «период почти пятидесятилетней царской опеки» оказавшихся на грани духовного вымирания, он трепетно относится к истории черкесов, внимателен к любой этнографической детали, но при всем этом не ударяется в крайности идеализации. Он призывает адыгов преодолеть враждебность и отчужденность по отношению к русским. Одновременно он призывает и представителей царской администрации не допускать «преступного равнодушия» по отношению к своему «пасынку» – черкесскому народу. Подобно многим его прогрессивным современникам, он четко понимает, что успешное решение школьного вопроса, внедрение действенной системы образования не просто спасает народ от угрозы «быть «затоптанным» на арене борьбы за существование, где сильные народы поработают слабых, где «Рок» покровительствует только приспособленным к жизненной борьбе» [Сефербий ... 1997: 179], но и помогает овладеть инструментами сохранения собственной культуры. Сефербий Сиюхов прекрасно чувствует уходящую эпоху и чувствует время настоящее, он приветствует культурное взаимодействие, видя в нем не только неизбежность, но и благотворность. Полноценное существование черкесов в новых для себя условиях без утраты исторической памяти и этнической своеобразности – цель, которой служат отстаиваемые им принципы. Разумеется, все его творческое наследие – статьи, историко-этнографические и мемуарные очерки, миниатюрные рассказы и даже учебная литература – лишь разные аспекты воплощения этой идеи.

Немало исследовательского внимания получила газетная публицистика Сефербия Сиюхова [Сефербий... 1993: 19-24, 28-29; Хашхожева 1993: 134-138; Агержанова 1997: 144-148;]. Мы же хотим остановиться на его очерковой прозе, тем более что такие ее образцы, как «Батмырза Педисов», «памяти Хаджет Карбековны Цей», «Ибрагим Салехович Цей», «Т. Ж. Эльдарханов» говорят о тяготении Сиюхова к мемуаристике, которая, как известно, запечатлевает мысль на стыке времени былого и настоящего, предполагает культурную значимость носителя этой мысли, и вкупе дает исследователю немало возможностей для выявления аксиологических нюансов описываемого. Как говорит о художественной мемуаристике С.В. Савинков, «Специфика мемуарного текста проявляется в наличии двух временных планов – настоящего (время письма) и прошедшего (время действия) – и в двусторонней установке: требование объективной достоверности в мемуаристке на равных правах уживается с требованием индивидуальности, субъективности» [Поэтика... 2008: 118].

Актуальная в литературоведении последних десятилетий аксиологическая интерпретация художественных произведений все еще находится в стадии установления исследовательских алгоритмов. Следуя предложенным А. В. Филатовым уровням аксиологического изучения литературы, мы сосредоточимся на микроуровне очерка «Батмырза Педисов». На этом уровне «функцию ценности выполняет любой элемент эстетической реальности, взятый в своем формально-содержательном единстве. Субъектами ценностных отношений при

этом выступают различные нарративные инстанции: автор-творец, рассказчик, герой, а также читатель-адресат» [Филатов 2019: 134].

Нас будут интересовать ценностные акценты взаимодействия точек зрения, восприятия пространства и времени, а также аксиология внешнего облика героя.

Очерк «Батмырза Педисов» датирован 1915 г. Как отмечено в повествовании, общение автора с этим человеком имело место в 1910 г.: «В 1910 году мне пришлось встречаться и беседовать с одним из сыновей Едыка Педисова – Батмырзой» [Сефербий... 1997: 121]). Так же он упоминает, что в жизни его самого эти события приходится на период обучения в учительской семинарии. Стало быть, очерк появился спустя не так уж много времени после того как судьба свела Сиюхова с Батмырзой Педисовым.

Стоит к этому добавить, что в «Автобиографии...», которую разделяют с очерком десять лет (1925 г.), Сиюхов будет говорить о годах в семинарии с особым чувством: «...самая интересная, самая деятельная пора в моей дореволюционной жизни» [Сефербий 1997: 31]. Это и правда особенное время в его жизни. В семинарии, как нигде до того, он возрос духовно, здесь определилось его мировоззрение, цели и интересы. Именно годы учебы в семинарии пробудили в Сефербии Сиюхове стремление к просветительской работе, которая была способна вывести его соплеменников из бедственного положения. Напоминание о духовной и интеллектуальной значимости этого периода в его биографии для нас важно постольку, поскольку подчеркивает, что молодой человек воспринимал Батмырзу Педисова сквозь призму своих уже вполне сложившихся взглядов и убеждений.

Но, конечно, точку зрения автора-повествователя определяют не только настроения, которыми отмечены годы его учебы, но и настроения 1915 г. – времени, которым датировано произведение. К этому времени Сефербий Сиюхов уже успел поучительствовать, столкнуться с несправедливым отношением администрации к его педагогическим инициативам. Его решительные шаги к обучению черкесов на родном языке и созданию для них школ повышенного типа были спешно пресечены. Лишь углубилось осознание причин того печального положения, в котором пребывают черкесы. И все же, в этот период он полон решительности. Это самый разгар его публицистической работы. Он часто выступает в печати со статьями, посвященными школьному вопросу и культурному состоянию горцев. Забегая вперед, можно сказать, что каковы бы ни были мотивы, побудившие его запечатлеть Батмырзу Педисова, образ этот вполне созвучен умению Сефербия Сиюхова видеть сложное переплетение обстоятельств, в каких бы масштабах они ни проявлялись – в судьбе этноса, рода или отдельного человека.

Говоря о воплощении взглядов Сефербия Сиюхова в этом очерке, можно начать с самого простого и очевидного: повествователь и автор-творец (или биографический автор) здесь тождественны. Оно и понятно: очерк, находясь «на стыке художественной литературы и публицистики» [Гордеева 2001: 707], тяготеет не столько к правдоподобию, сколько к факту, потому закономерно, что определяющей чертой этого жанра считают «ярко выраженную организующую роль авторского «я» [Гордеева 2001: 707] – непосредственного свидетеля описываемого.

В названном очерке доминирует повествование от первого лица, при этом ведется оно от двух лиц – авторского «я» и Батмырзы Педисова. В свете того, что «точка зрения – это внешняя и внутренняя позиция повествующего субъекта в мире произведения» [Сухих 2016: 269], есть несомненная примечательность в том, что из четырех страниц, которые составляют очерк, почти половину повествования ведет Батмырза Педисов. Другая часть (и та с небольшими вкраплениями косвенной речи), ведется от лица автора-повествователя. То есть такое распределение голосов уже намекает о ценностном равновесии точек зрения биографического автора и героя, именем которого озаглавлен очерк.

Есть в этом очерке еще одна точка зрения, существенная в аксиологическом аспекте. Пожалуй, она самая авторитетная для автора-повествователя и, наверняка, для заглавного героя тоже, хотя и выражена косвенно. Это мнение стариков, много на своем веку повидавших и успевших застать «прежний мир» – Кавказ, который еще не стал частью империи. Кстати говоря, именно точка зрения стариков придает завершенность повествованию, открывая и подытоживая его: «В рассказах стариков всегда упоминались, как самые богатые горцы после Кавказской войны, нажившие свое богатство на несчастьи, слезах и крови завоеванного населения, – Гусаровы, Педисовы, Лоовы, Мугукоровы, Кадроковы, Болотоковы, Аббатовы, Каплановы (Карамзоко), Султан-Гирей (Ханыко). Особенно много мне приходилось слышать о братьях Педисовых, Хусейне и Едыке. Про семью Педисовых старые люди говорили, что она могла бы поспорить своим богатством с царской семьей. Педисовы имели огромный участок земли, подаренный царем, многотысячные отары овец, большие стада крупного рогатого скота, табуны лошадей лучших кавказских пород. Имение Педисовых располагалось, по рассказам, на правом берегу Кубани, в черте станции Кавказской» [Сефербий... 1997: 121].

Как видим, произведение начинается с упоминания давно минувшего. Все связанное с ним, и все, о чем пойдет речь дальше, автор-повествователь воспринимает с позиции своего времени (недавнее прошлое, в котором проходило его общение с Батмырзой, тоже часть этого времени), его взгляд отталкивается от мира, существующего здесь и сейчас. Вернее, той части мира, которая являет его отчизну. О том, что нынешний мир лучше или хуже былого, намека нет, очевидно лишь, что он сильно разнится с тем, каким был в пору господства перечисленных лиц. За этим перечислением автору-повествователю раскрывается «историческая ретроспектива» героя, потом к ней добавятся подробности биографии Батмырзы, но оценивать его он будет «здесь и сейчас».

«Нажившие свое богатство на несчастьи, слезах и крови завоеванного населения...», то есть на крови своих соплеменников. Подобная «экспозиция» задает вполне определенный вектор дальнейшему восприятию героя: характеристика рода как предварительная характеристика любого из его представителей. Батмырза Педисов потомок тех, кто снискал дурную славу в глазах соотечественников.

Впервые имя заглавного героя звучит в повествовании рядом с именем отца, Едыка Педисова. Согласно историческим сведениям, собранным А. В. Казаковым об адыгах и абазинах, служивших Российской империи, среди таковых

есть и представители рода Педисовых. (Привлекая сведения, собранные исследователем, мы позволим себе опустить ссылки на архивные источники, в силу их многочисленности). «Педисовы – Петисовы (адыг. Пэдыс, каб-черк. ПэтЫис) – хатукаевские уорки» [Казаков 2017: 367]. Педисов Эдик (1820 – не ранее 1866), штабс-капитан милиции (1864), из «высших сословий» хатукаевцев. Волонтером с 1943. В чине корнета «за отличие в делах против горцев в 04. 1850 при уничтожении Херписовского аула, благоразумении при переселении урупских кабардинцев с башильбаевцами на р. Большой Зеленчук» награжден орденом св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость» (1851). Произведен в следующий чин поручика в 1852. В 1864 исполнял обязанности пристава Абадзехского округа. Проживал в своем ауле на левом берегу р. Кубань в Кубанской области на своем участке напротив ст. Кавказской» [Казаков 2017: 368]. Далее речь идет о наделах, которые в разные годы жаловались Эдыку Педисову во владение как «почетному туземцу».

И «отличие в делах против горцев», и поощрения, которыми Эдыка Педисова неоднократно отмечала царская власть, только лишний раз убеждают в том, что в рассказах стариков преувеличений нет.

Сына Эдыка, Батмырзу Педисова, мы видим только глазами автора-повествователя. Сначала идет описание его облика. Он примечателен и в плане физических характеристик, и в отношении костюма. Сиюхов использует характеристики то возвышающие, то нивелирующие достоинства облика Батмырзы, и вот как он это делает: «Это был высокий, статный горец с выхоленным аристократическим лицом, обрамленным небольшой черной бородой. Плечи у него были широкие, талия тонкая, как у девицы» [Сефербий... 1997: 121]. Разумеется, присутствие таких деталей, как «выхоленное» лицо, талия «как у девицы» (без подобного сравнения можно было бы обойтись) среди бесспорных признаков притягательной внешности Батмырзы вносит специфическую ноту. Если эти детали и не создают явного перевеса в сторону отрицательной семантики облика, то уж наверняка ослабляют ожидание читателя увидеть личность, соответствующую ее благородной оболочке.

Далее подробно живописуется «костюмный облик» (И.А. Манкевич) Батмырзы Педисова. Сложно поспорить с тем, что «костюм – своеобразное социальное имя человека. Поэтому и он сам эксплицирует «содержание» человека и может служить средством – «языком» – такой экспликации» [Фарино 2004: 186]. Интересно, что, подбираясь к такой «экспликации» через отнюдь не лишенный своеобразия костюм Батмырзы, автор-повествователь не допускает иронических ноток. Костюмный облик, «дорогой и добротный», помимо материального достатка и эстетизма его носителя, говорит еще и о непосредственной вовлеченности Батмырзы в разные культуры: «Одет он был в изысканный горский костюм, на голове папаха из дорогого черного каракуля, сверху костюма была накинута на плечи николаевская шинель из добротного черного сукна с бобровым воротником, на ногах лакированные сапоги» [Сефербий... 1997: 121]. Проще говоря, в его костюме совместились то, что носили в то время кавказские и русские аристократы. Непривычно, но красиво. Наверное, если бы автору не было важно это совмещение, он прошел бы мимо него, не детализировал бы его для читателя.

И слова стариков, и ирония, скользнувшая в описании облика Батмырзы, казалось, определяют отрицательную семантику этого героя. Но, как станет видно в дальнейшем, все оборачивается несколько иначе.

Очень скоро становится ясно, что Сиюхов взялся рассказать о Батмырзе Педисове не под впечатлением его импозантности, и не потому что тот является собой «уходящую натуру», а потому что ему дорога собственная субъективная позиция, светлый след, который этот человек оставил в его душе. «Сиюхов был простой, доступный» – слова, которыми он предваряет рассказ Батмырзы о самом себе, уже меняют вектор восприятия героя. «А далее, после того как герой без утайки раскроет непростую историю своей жизни, и автор-повествователь упомянет о радости общения с ним («Я запросто заходил к нему по вечерам после учебных занятий (в то время учился я в 1-й Кубанской учительской семинарии) и засиживался у него надолго. Батмырза был интересным собеседником» [Сефербий... 1997: 123]), в образе Батмырзы усилятся самые одухотворяющие акценты.

Об этом в очерке прямо не сказано, но созвучие Батмырзы автору-повествователю несомненно. В Батмырзе есть импонирующая Сиухову восприимчивость к иным культурам, не нарушающая, а лишь выгодно оттеняющая национальную принадлежность человека. Как и Сиухов, он тоже щепетилен в вопросах минувшего, наделен обостренным чувством истории: «Больше всего он говорил о событиях из прошлой истории черкесов. Русский царизм, говорил он, истребил имевший прекрасные физические и духовные задатки черкесский народ, и этим он совершил такое тяжкое преступление, которое ему не простится во веки веков.

Батмырза рассказывал и о других народах, среди которых ему доводилось жить. Он рассказывал о прошлой исторической славе турок, был недоволен их настоящей жизнью, говорил об упадке патриотизма и культуры, их отсталости. Восторгался красотами стамбульской архитектуры – мечетями, дворцами, каналами, парками и пр.» [Сефербий... 1997: 123].

Батмырза родом из той же национально-языковой среды, что и автор-повествователь. Но не стоит упускать из виду, что личность Батмырзы формировало то, что находилось на верхних уровнях социума. То есть в авторе-повествователе и Батмырзе мы наблюдаем «...людей, выросших в одной национально-языковой среде, но по рождению и воспитанию принадлежащих к культурным сообществам, обитающим в иных ментальных и материальных пространствах повседневности» [Манкевич 2011: 222]. Более того, Батмырза давно вышел за пределы национального мира, в котором был рожден. Он принадлежит другому пространству, погружен в иную цивилизацию. Обо всем этом говорит многое: и место его постоянного проживания («Батмырза Педисов проживал в Стамбуле и изредка приезжал на Кавказ, как говорил, посмотреть родные места и на жизнь горцев» [Сефербий... 1997: 121]), и его образовательная история («В молодости я учился в Ставропольской гимназии по классическому отделению в числе горских детей, впервые отданных на учение в русскую школу» [Сефербий... 1997: 122]), и края, в которых он бывал («Я и мой младший брат Битлюстан ездили по большим русским городам и за границу. Особенно много времени мы проводили в Париже, в этом мировом развращен-

ном городе» [Сефербий... 1997: 122], и владение языками («Он прекрасно владел родным языком, хорошо говорил на русском, французском и турецком языках» [Сефербий... 1997: 122]). Даже название гостиницы, в которой он привык останавливаться, бывая в Екатеринодаре, и национальность ее владельца («...занимал номер в гостинице «Константинополь» турка Касима») словно некий атрибут принадлежности Батмырзы к другой реальности.

Пожалуй, самый оригинальный атрибут открытости Батмырзы разным культурам – это угощения, с которыми он встречает своего гостя (автора-повествователя): «Каждый вечер, когда я приходил к Батмырзе, на столе стоял самовар, и он угощал меня чаем. Разрезал французские булки надвое, смазывал сливочным маслом и медом, посыпал размолотым сухим черкесским сыром и предлагал к чаю с лимоном. Батмырза хвалил восточные сладости и кушанья, которые, по его словам, отличаются разнообразием, приятным вкусом и дешевизной» [Сефербий... 1997: 123-124]. Русское, французское, черкесское, восточное... Непривычное, даже странное соединение, но как-то все гармонично.

Взгляды автора-повествователя и героя импонируют друг другу, но «пространственная принадлежность» точек зрения также имеет значение. Первый всеми мыслями в проблемах своего этноса, второй бывает на Кавказе наездами, всего лишь посмотреть на жизнь горцев. Акценты, которые расставляет «пространственная принадлежность» точек зрения, можно уловить также в реакции Батмырзы на высказывания автора-повествователя о наболевшем. И дело даже не в ее шуточной снисходительности, – как старший, Батмырза имеет на это право. Да, в его реакции читается доброе отношение к собеседнику – молодому, целеустремленному семинаристу, но, с другой стороны (и к этому не стоит подходить с какой-то оценочностью) – некая отстраненность: взгляд Батмырзы на злободневность, о которой говорит собеседник, обращён с некоей верхней точки: «Однажды, выслушав мои сетования на отсутствие школ и просвещения среди горцев, Батмырза улыбнулся и сказал: «Ты, голубчик, озабочен большим вопросом, и я боюсь, что твой длинный нос станет еще длиннее... Но ты избрал прекрасный род деятельности. Работа учителя – благородная и полезная, так что тебе надо пожелать только силы и настойчивости» [Сефербий... 1997: 124].

Поскольку в мемуарной прозе принципиальна организующая роль авторского «я», есть потребность понять, какие моменты описываемого ценнее всего для автора-повествователя. Здесь резонно поразмыслить о предполагаемой автором реакции читателя-адресата.

Реакция читателя – это его эмоции, чувства, эмпатия. Как пишет И. Н. Сухих, «мысль – это авторское суждение о реальном мире путем создания мира возможного. Чувство – реализованное в художественном мире авторское отношение к нему» [Сухих 2016: 227]. Поскольку речь идет о мемуарном очерке, то о создании мира возможного особо говорить не приходится, автор описывает то, что имело место быть. Что касается чувств автора-повествователя, то его симпатия к герою бесспорна. Самое очевидное ее свидетельство в том, что он говорит о простоте и открытости Батмырзы, о том, что ему нравилось бывать у него, слушать «живые, захватывающие беседы по разнообразным вопросам».

На более тонком уровне чувства автора сказываются в его стремлении вызвать эмпатию читателя. На это направлены эмоции, которые вызывает непростая биография Батмырзы, рассказанная им самим: его с братом Битлюстаном сиротство, разгульная юность и суровая плата за нее. История Батмырзы – это об ошибках и их искуплении. А еще о предопределенности. Именно в тот миг, когда читатель улавливает этот мотив предопределенности (или обреченности), рождается сострадание к Батмырзе. Братья, которые в отроческом возрасте оказались без родительской опеки; родственники, которые потакали «слабостям и нездоровым увлечениям, свойственным богатым юношам, получившим обширное наследство»... Сначала поэтапное крушение жизни, чего неокрепшие умы осознать не способны. Ответственность за собственную судьбу придет гораздо позже. А могла и вовсе не прийти. Брат Битлюстан пал жертвой этой предопределенности, а Батмырза успел себя спасти.

Безусловно, проникшийся состраданием к герою читатель не воспримет бесстрастно строки о том, что через некоторое время после тех дней, о которых вспоминает автор, Батмырза вернулся в Турцию, и скоро пришла весть о его кончине. Идущее следом упоминание о сыне Батмырзы, образованном и очень похожем на отца, подобно проблеску надежды и радости. Оно подспудно рождает в читателе надежду на лучшее, но тут же и гасит ее: «Батмырза имел сына, который учился в последнем классе гимназии. Говорят, что сын по внешности очень был похож на отца. В 1905 г. он, увлеченный революционным движением, убил в одной стычке жандармского полковника и эмигрировал в Турцию. Дальнейшая судьба этого Педисова неизвестна» [Сефербий... 1997: 123-124]. А может, и выжил, и семьей обзавелся, и род не ушел в небытие. Кто знает? Но, видимо, отсутствие сведений равнозначно небытию.

Мы уже говорили о том, что произведение начинается и завершается словами стариков. И вот какой предстает их точка зрения в финале: «Старые горцы, рассказывая о превратностях судьбы людей, ссылались как на пример на историю семьи Педисовых, так блиставших знатностью и богатством и так разорившейся и пришедшей в течение жизни только двух поколений в упадок и затем совершенно исчезнувшей» [Сефербий... 1997: 124]. Соотнося это с тем, что прозвучало в начале очерка, можно заметить, во-первых, что значительно смягчаются смысловые акценты. В финале больше философского смысла. Речь вовсе не о том, что кто-то нажился на слезах и крови своих соотечественников и вот, пришел к заслуженному итогу, а о непредсказуемости человеческой судьбы. Во-вторых, как мы уже сказали, отсутствие сведений равносильно небытию. Может, на самом деле род и не исчез, но здесь другое: исчезнуть из поля зрения родного этноса – значит уйти в небытие. Это принцип, который остается неизменным и по сей день.

Солидаризируется ли с точкой зрения стариков автор-повествователь? Отчасти на этот вопрос мы ответили выше. Старики смотрят на эту историю с большой дистанции, автор-повествователь – с малой. Авторитетное мнение стариков – это своеобразная рамка произведения. А ценностная позиция автора-повествователя преимущественно там, где голос его героя звучит наравне с его собственным голосом, где прилагаются усилия, ради того, чтобы вызвать читательскую эмпатию к своему герою.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Агержанокова 1997 – *Агержанокова С.Р.* Своевременные мысли: дореволюционные публикации адыгского писателя-просветителя // литературная Кабардино-Балкария. – 1997. – № 2. – С. 144–148.

Гордеева 2001 – *Гордеева Е.Ю.* Очерк // Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. и сост. Николюкин А.Н. – Москва: 2001. – С. 707–709.

Казаков 2017 – *Казаков А.В.* Черкесы на российской государственной и военной службе. Середина XVI – начало XX в. Историко-документальные очерки. – Нальчик: Эльбрус, 2017. – 712 с.

Манкевич 2011 – *Манкевич И.А.* Поэтика обыкновенного: опыт культурологической интерпретации. – СПб.: Алетейя, 2011. – 712 с.

Поэтика... 2008 – *Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий.* – Москва: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. – 358 с.

Сефербий... 1991 – *Сефербий Суюхов* – адыгейский просветитель: к 105-летию со дня рождения / Сост. и коммент. К.И. Бузарова, А.К. Бузарова. – Майкоп: Адыгейское книжное издательство, 1991. – 189 с. (на адыгейск. и русск. яз.)

Сефербий... 1997 – *Сефербий Суюхов.* Избранное / Сост., предисл. и коммент. Р.Х. Хашхожевой. – Нальчик: Эль-Фа, 1997. – 414 с.

Сухих 2016 – *Сухих И.Н.* Структура и смысл: Теория литературы для всех. – Санкт-Петербург: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. – 544 с.

Фарино 2004 – *Фарино Е.* Введение в литературоведение: Учебное пособие. – СПб.: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2004. – 639 с.

Филатов 2019 – *Филатов В. А.* Аксиология в теории литературы: основные направления ценностного анализа // Сибирский филологический журнал. – 2019. – № 4. – С. 130–138.

Хашхожева 1993 – *Хашхожева Р.Х.* Адыгские просветители XIX – начала XX века. – Нальчик: Эльбрус, 1993. – 184 с.

REFERENCES

AGERZHANOKOVA S.R. *Svoevremennye mysli: dorevolyutsionnye publikatsii adygskogo pisatelya-prosvetitelya* [Timely thoughts: pre-revolutionary publications of the Adyghe writer-educator]. IN: literaturnaya Kabardino-Balkariya. – 1997. – № 2. – P. 144 – 148. (In Russ.).

FARINO E. *Vvedenie v literaturovedenie: Uchebnoe posobie* [Introduction to Literature]. – St. Petersburg: Publishing house of the RSPU named after A. I. Herzen Publ., 2004. – 639 p. (In Russ.).

FILATOV V. A. *Aksiologiya v teorii literatury: osnovnye napravleniya tsennostnogo analiza* [Axiology in the theory of literature: the main directions of value analysis]. IN: Sibirskii filologicheskii zhurnal. – 2019. – № 4. – P. 130 – 138. (In Russ.).

GORDEEVA E. Yu. *Ocherk* [Essay]. IN: Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatii [Literary encyclopedia of terms and concepts]/ Edited and comp. A.N. Nikolyukin. – Moscow: 2001. – P. 707 – 709. (In Russ.).

KAZAKOV A.V. *Cherkesy na rossiiskoi gosudarstvennoi i voennoi sluzhbe. Seredina XVI – nachalo XX v. Istoriko-dokumental'nye ocherki* [Circassians in the Russian state and military service. The middle of the 16th century - the beginning of the 20th century]. – Nalchik: El'brus, 2017. – 712 p. (In Russ.).

KHASHKHOZHEVA R.Kh. *Adygskie prosvetiteli XIX – nachala XX veka* [Adyghe Enlighteners of the 19th - early 20th century]. – Nalchik: El'brus, 1993. – 184 p. (In Russ.).

MANKEVICH I.A. *Poetika obyknovennogo: opyt kul'turologicheskoi interpretatsii* [Poetics of the Ordinary: An Experience of Culturological Interpretation.]. – St. Petersburg: Aleteiya, 2011. – 712 p.

Poetika: slovar' aktual'nykh terminov i ponyatii [Poetics: dictionary of current terms and concepts]. – Moscow: Izdatel'stvo Kulaginoi; Intrada, 2008. – 358 p. (In Russ.).

Seferbii Siyukhov – adygeiskii prosvetitel': k 105-letiyu so dnya rozhdeniya [Seferbiy Siyukhov – Adyghe educator: on the 105th anniversary of his birth] / Comp. and comment. K.I. Buzarov, A.K. Buzarov. – Maykop: Adygeiskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1991. – 189 p. (In Russ. and Adyghe).

Seferbii Siyukhov. Izbrannoe [Seferbiy Siyukhov. Selected] / Compiled, foreword. and comment. R.H. Khashkhozheva. – Nalchik: El'-Fa, 1997. – 414 p. (In Russ.).

SUKHIKH I.N. *Struktura i smysl: Teoriya literatury dlya vseh* [Structure and Meaning: A Theory of Literature for Everyone]. – St. Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2016. – 544 p. (In Russ.).

Информация об авторе

И.А. Кажарова – кандидат филологических наук.

Information about the author

I.A. Kazharova – candidate of science (Philology).

Статья поступила в редакцию 31.08.2023 г.; одобрена после рецензирования 11.09.2023 г.; принята к публикации 28.09.2023 г.

The article was submitted 31.08.2023; approved after reviewing 11.09.2023; accepted for publication 28.09.2023.